

ГЛАВА IV КРАЙНИЙ АВТОРИТАРИЗМ И ЗРЕЛОСТЬ РАСКОЛА

«ЦАРЬ ЯКО БОГ, ЕЖЕ ВОЗХОЩЕТ, В ОБЛАСТИ СВОЕЙ МОЖЕТ СОТВОРИТЬ»

Ослабление раннего идеала всеобщего согласия сопровождалось ростом общего беспокойства, представлений людей о нарастании хаоса, усилились жалобы на «насильства» выборных, деятельность которых наряду с бунтами стала фактором дискомфорта состояния. Нравственные связи между локальными мирами и теми, кого они выбирали для представительства вне своего мира, были слабы. *Выборные рассматривали свою деятельность как государеву службу.* Шла борьба между полюсами вечевоего идеала, каждый из которых выступал как самостоятельный нравственный идеал. Общее разочарование в порядках, установившихся на третьем этапе, поражение активных сил антигосударственного манихейства привели к стремлению людей замкнуться в своих локальных мирах с надеждой, что высшая Правда в лице царя является реальным гарантом справедливой жизни, защитой от зла. Наступила инверсия.

Специфика возникновения нового, четвертого в истории российской государственности господствующего нравственного идеала заключается не только в инверсионной реакции на предшествующий идеал. Он оказался также реакцией на вялый характер инверсии, на ее торможение ограниченным оттеснением инверсии медиационным творчеством. Содержавшаяся в древней культуре высокая ценность крайних, манихейского типа решений создавала предпосылки для роста дискомфорта состояния не только в связи с банкротством того или иного конкретного господствующего идеала, но и в результате значимого отступления от инверсионной логики. Возникает особое *остаточное дискомфортное состояние*, которое накапливается на протяжении более чем одного периода гос-

подства сменяющих друг друга идеалов. Такая ситуация может быть вызвана возникновением вялой инверсии. Именно это совпадение остаточного дискомфортного состояния с дискомфортным состоянием, вызванным банкротством господствующего идеала всеобщего согласия, стимулировало возникновение крайнего авторитаризма. Этот идеал, если взять чисто логическую сторону, завершает прямую инверсию, полный переход от одного полюса вечевых идеалов к противоположному, от соборного идеала к авторитарному. В обществе этот процесс выступает как тенденция смещения всей полноты власти максимально вверх.

Царь Федор Алексеевич (1676-1682) принимал некоторые попытки оживить умирающий идеал всеобщего согласия: стремился активизировать земские соборы, по разным поводам призывал выборных, уничтожил Приказ тайных дел. Воеводы и приказные были отстранены от сбора большей части подати. Однако царь не получил поддержки снизу. Массовая пассивность, стремление приобщиться к Правде первого лица оказались сильнее. Выборное начало слабело, в городах укрепляли власть воеводы, служилые люди, т. е. представители государства. Результатом стремления достигнуть партиципации к авторитарному отцу стала массовая поддержка авторитаризма. Уже в 1639 году поступали прошения о восстановлении на местах власти воевод и приказных. М. Покровский писал, что мысль об опеке сверху пришла снизу, из самого населения. Посадским начинает «казаться, что приказный человек... все же будет лучше. И каждый раз центральное дворянское правительство утилизирует этот взрыв отчаяния посадских, чтобы лишить их и последней доли самостоятельности»¹. «Само население просило освободить его от предоставленного ему права самоуправления, чтобы „от такого великого разорения не стоять на правее с голоду и стужи и достальным не погибнуть, и розно не разбрестися"»². Злоупотребления выборных свидетельствовали о неэффективности соборных институтов, о неспособности низов держать выборных под контролем. Правящая элита, опираясь на народные настроения, пошла по пути ликвидации организационных основ идеала всеобщего согласия, по пути установления правления воевод и приказных людей³.

Авторитарный идеал постепенно укреплял свои позиции еще во время господства предыдущего идеала. Имели место

¹ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Л., 1924. Т. 2. С. 108.

² Витте С. Ю. Самодержавие и земство. СПб., 1908. С. 195-196.

³ См., например: Мелкая земская единица. СПб., [б. г.]. Вып. 1. С. 233.

неуклонный рост вотчинного и сокращение поместного землевладения. Отсутствовало сопротивление чернососных дворянских крестьян при передаче их в вотчинное землевладение. Вотчинники и помещики не оказывали сопротивления строительной законодательной регламентации, ограничивающей их инициативу в распоряжении землей, не возражали против оговорок власти по поводу привилегий вотчинников по ранее выданным охранным грамотам. Не было решительного сопротивления крестьян росту власти помещика над крестьянским миром. Возрастали тенденции к единовластию помещика и его доверенного лица среди крестьян⁴.

В XVIII веке усилилось стремление государства подчинить вотчинную жизнь определенным правилам, нормам, инструкциям. «Вместо общих положений и ссылок на обычай, вместо молчаливого допущения существующей практики, инструкция XVIII века вносит точные и детальные указания, проникающие в жизнь вотчины и регулирующие все ее подробности. Наказы XVII века гораздо больше полагаются на непосредственное холопское чутье приказчиков, которые должны были чувствовать и угадывать волю вотчинника». Инструкции четырех поколений князей Щербатовых показывают, что с 1720 по 1780 год происходило все большее подчинение крестьянской общины хозяйственной деятельности вотчины. Существенно возросло стремление к регламентации и опеке. Древние локальные миры ставились под непосредственное авторитарное управление.

В 50-х годах был организован Приказ тайных дел — личная канцелярия царя. Он давал возможность царю решать важнейшие вопросы в обход думы. Возникла практика так называемых «именных указов», т. е. законодательных актов, принятых царем без думы. *С этого момента можно полагать начало крайнего авторитаризма.* Выборные должности превращались в обычную службу царю, с той лишь разницей, что она не давала обычных выгод. Именно царь творит «суд и правду», — говорится в постановлении собора 1660 года. Манихейская логика брала реванш за свое ограниченное временное ослабление. Этот инверсионный поворот привел к авторитарному идеалу в его крайних формах, далеко выходящих за традиционные формы авторитаризма. Господство авторитарного

⁴ *Алефиренко П. К.* Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. № 1. См. также: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1965. Сб. VI. С. 432.

⁵ *Новосельский А. А.* Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М., 1929. См. также: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России: Сельскохозяйственные инструкции. М., 1984. С. 9.

идеала возникает на основе разочарования людей в своей способности брать на себя ответственность за собственную жизнь в масштабе общества. Возникает настроение, которое Гоголь в «Тарасе Бульбе» выразил словами: «Лучше бы и не было того пира». Это порождает стремление искать Правду в тотеме, отце, вожде, царе. Оно включает согласие на насилие над собой внешнего детерминированного жесткого порядка, что развязывает руки «начальству». Крайний авторитаризм основывался на представлении о высшей Правде как эманации монарха. Этот идеал был закреплен законодательно: «Его величество есть самовластительный монарх, который никому на свете в своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет, свои государства и земли, яко христианнейший государь по своей воле и благомнению управляет»⁶. «Монархов власть есть самодержавная, которой повиноваться сам Бог за совесть повелевает»⁷. Точно так же как древний тотемизм оказался, говоря языком классической философии, снят в монотеизме, тотемистическая культурная основа власти первого лица была снята обоснованием власти царя как божественной. «Царь⁸ яко Бог, еже воззоцет, в области своей может сотворить»⁸.

Таким образом, единство достигалось единоличной волей монарха, воля каждого и всех должна была слиться с его волей. *Монарх выступал как единственное воплощение Правды*, а его решения были своеобразным благодеянием, благодатью, нисходящей на подданных. Народ, следовательно, сам по себе, без благодати власти, не способен следовать Правде. Осуществился идеал писателя Симеона Полоцкого (1629-1680), уподоблявшего отношение начальников к народу отношению пастуха к овцам. Подданный, подобно овце, не ропща должен снабжать власть молоком, мясом, шерстью. Пастух же обязан обеспечить охрану их от хищников, а при стрижке не резать шкуры. По его представлению, власть и право самодержавно повелевать вручил царю Бог. Сам Петр считал, что его указы являются «фортецией правды». Поэт, общественный и церковный деятель Феофан Прокопович (1681-1736) придерживался точки зрения, что царь — наместник Бога на земле. Ю. Крижанич в книге «Политика» (1663-1666) полагал, что «самовластво», т. е. самодержавие, «это — жезл Моисеев, которым царь-государь может творить все необходимые чудеса». Мо-

⁶ Воинские артикулы Петра I. М., 1940. Гл. 3, арт. 20 (Толкование к 20 статье воинского устава 1716 года).

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. № 4870.

⁸ *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1937. С. 15.

нарх стал рассматриваться как монополист творческого начала в обществе, единственный источник позитивных инноваций.

Возникновение крайнего авторитаризма неизбежно ставит важный и принципиальный вопрос. Сам характер этого идеала, его конкретное содержание определяется стремлением человека к партиципации в соответствии с древней тотемической культурой. Тем не менее в крайнем авторитаризме есть какие-то новые элементы, которые, хотя и не являются определяющими, тем не менее достаточно существенны. Среди них следует прежде всего обратить внимание на *идею общего блага*. Она в принципе выходит за рамки традиционализма, так как нацелена не только на сохранение исторически сложившегося строя жизни, но в той или иной степени — на его улучшение. Идея общего блага может стать элементом ценностей первого лица, которое как тотем, отец, сакральный царь берет на себя ответственность за все. Идея «общего блага» впервые появилась на Западе (Г. Гроций, С. Пуфендорф) и была включена Петром в систему своих ценностей. В манифесте 1702 года он ставил своей целью, чтобы «все наши подданные попечением нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучное состояние». В 1721 году он говорил, что «подлежит трудиться о пользе и прибытке общем». Возникла идея о цивилизаторской миссии государства, о совпадении его деятельности с распространением просвещения.

УТИЛИТАРИЗМ

Сама возможность обращаться к людям на языке благ означала, что в стране уже приобрела осязаемое влияние некоторая новая, выходящая за рамки синкретизма система ценностей, создан и получил влияние новый пласт культуры. Речь идет об исключительно важном для страны явлении, о развитии утилитаризма.

Значение утилитаризма в наиболее общем виде заключается в том, что через него люди осознанно вступают на путь расчленения мира, на путь подчинения окружающего мира повышению эффективности своей деятельности; человек начинает рассматривать действительность как мир реальных и потенциальных средств. Этот подход несовместим с синкретизмом, для которого мир — это прежде всего некоторое нерасчлененное условие жизнедеятельности, сама жизнедеятельность. Утилитаризм играет возрастающую роль в механизмах последующей истории страны, в развитии нравственных основ общества. Утилитаризм развивается как способность человека

видеть свою задачу в вычленении эффекта как особой проблемы своей деятельности, в стремлении сделать последнюю более эффективной. Эта способность развивается именно из желания обеспечить своей деятельностью партиципацию, не в последнюю очередь через совершенствование отношения с субъектами окружающего мира, например, через обмен, коммуникации. В синкретизме не может быть выделена проблема эффективности как некоторая рефлексированная особая задача, отличная от партиципации к нерасчлененной культуре. Тем не менее в какой-то скрытой невычлененной форме такая проблема существовала. Здесь можно видеть некоторый намек на способность людей фокусировать внимание на повышении эффективности, что достигается через постоянные контакты с окружающими явлениями-субъектами посредством жертв, обращения к этим явлениям с требованиями и даже угрозами.

О реальном *возникновении умеренного утилитаризма* можно говорить, когда вычленяется способность не только сохранять некоторый результат, но и его повышать, превращая это в повседневную задачу. Простой утилитаризм есть стремление достичь некоторого уже реализованного в обществе образца, например, в процессе собирательства, с помощью экспроприации, перераспределения, кражи и т. д., получая продукт в готовом виде. Каждый шаг развития утилитаризма является одновременно шагом, возможно скрытым, распада синкретизма. *Умеренный утилитаризм* переходит в *развитой утилитаризм*. Его специфика заключается в осознании связи результата, эффекта деятельности с собственной творческой продуктивной деятельностью, т. е. с рассмотрением эффекта как результата своей собственной активности. Умеренный утилитаризм отличается от развитого тем, что в первом случае увеличение эффективности рассматривается прежде всего как результат внешних сил, как присвоение уже готового результата, тогда как во втором — как результат собственных усилий.

В утилитаризме в отличие от синкретизма осознается различие, противопоставление ситуации и расчета, направленного на эту ситуацию, своеобразный микрорационализм, т. е. утилитарная целесообразность, способность связать выхваченный элемент мира не с бесконечным миром, а с чем-то ему противоположным, т. е. с человеческим благом.

Возникновение утилитаризма было революцией в человеческой деятельности, которая происходила сначала на каких-то глубоко скрытых этажах повседневного труда и общения. *Человек начал осознанно бороться с тиранией прошлого опыта*. В культуре из ее самых глубинных слоев стала уси-

ленно пробиваться критическая сила, пытающаяся вывести человека *из слепого подчинения ритуалу, из-под авторитаризма накопленной культуры*. Возникновение утилитаризма означало, что ориентация на сохранение незыблемости культуры стала замещаться способностью подчинить ее развитие росту потребностей. Центр тяжести человеческих ценностей стал перемещаться от стремления максимально раствориться в космической живой стихии к самому человеку, что требовало противопоставления этой стихии. Возникла способность идеального оперирования с элементом мира в отрыве от мира, размышления о мире с точки зрения, отличной от самого мира. Возникло осознание различия культуры и окружающего мира, что позволило рассматривать мир фрагментарно, мозаично, т. е. оценивать и использовать отдельные элементы мира. Деятельность людей с этими фрагментами была ограничена, а размышления по этому поводу заземлены, привязаны к ограниченной сфере интересов. Локальность, фрагментарность, эклектизм — важнейшие черты этого процесса. Ценности утилитаризма медленно пробивались на более высокие этажи культуры, чему способствовали различные стрессовые ситуации в обществе. Тем самым массовый утилитаризм не только укреплялся, но и получал нравственную санкцию в философии, религии, получал легальный нравственный статус. *Развитие утилитаризма является важным элементом прогресса медиации*. Утилитаризм, нацеленный на повышение эффекта деятельности, стремится адаптироваться к господствующему идеалу. Поэтому он всегда может быть использован силами последнего как средство утверждения синкретизма, авторитаризма и т. д., вовсе не претендуя при этом на положение господствующего идеала. Утилитаризм сам по себе противостоял априоризму манихейства, хотя, разумеется, на практике не мог не считаться с ним как с мощной социальной силой. Тем не менее рост утилитаризма подтачивал как синкретизм, так и манихейство. От утилитаризма шел далекий, мучительный путь вперед, он давал импульс прогрессу производства, формированию высокоразвитой культуры, новым нравственным идеалам и т. д. Но все это, однако, была лишь одна из туманных возможностей. Пока утилитаризм был слаб, его влияние на общую атмосферу в обществе происходило в рамках господствующего идеала как некоторого средства реализации его ценностей. Новые культурные веяния не стали еще на собственную массовую почву и могли лишь воздействовать на господствующий идеал, вносить в него новый компонент. Эти ограниченные возможности, однако, правящая элита немед-

ленно попыталась использовать для решения медиационной задачи.

Важнейшая особенность утилитаризма заключалась в том, что с определенного этапа представление о человеческом благе требует конкретизации, т. е. перевода на язык конкретных вещей и явлений. *Необходимой становится денежная оценка. Деньги* позволяют все свести к единому, растворить каждое единичное, каждую натуральную вещь в абстрактной всеобщности. В деньгах таится удивительная, чуждая традиционализму возможность соединять несоединимое, далеких людей, таланты, формы труда, затраты и результаты в общей деятельности, т. е. открывать дорогу всеобщему, не знающему границ творчеству. Но это возможно где-то в далеком, пока весьма проблематичном будущем. По литературе можно проследить существование утилитаризма, видимо, еще с XI века, когда среди противоборствующих больших идей-настроений можно выделить стремление к личному благополучию, по возможности не зависящему ни от Отечества, ни от Власти⁹.

Превращение утилитаризма в массовую повседневную ценность можно отчетливо зафиксировать в России в XVII веке. В обществе появилась большая группа инициативных людей, занятых в самых разных областях хозяйства, торговли, политики, культуры. Можно перечислить ряд известных деятелей, занятых активной и напряженной работой, начиная от царя Алексея и патриарха Никона. Усилился размах купеческих операций. Этот процесс хорошо прослеживается в русской литературе, отражающей смену ценностей в обществе, стремление повысить эффективность своей деятельности. До XVI века литература чаще всего призывала к неустанной молитве, к благочестивому ночному бдению, в лучшем случае — к мелочной работе. Герои в повестях XV-XVI веков почти никогда сразу не приступали к делу. Вообще в XV-XVI веках ценилась тишина, покойность, плавная красота людей и событий. В повести XV века о двух сапожниках в качестве отрицательного явления рассматривался неустанный труд. Перелом наступил примерно в конце 40-60-х годов XVII века, когда усиливалось осуждение бездельников, возникло требование энергичной деятельности и активности. Слово «польза» в первой четверти XVIII века становится одним из самых распространенных. Например, его применяет М. Ломоносов для описания образа идеального правителя, работника на троне.

Рост утилитаризма органически связан с ростом значимости личности, ее творческого потенциала, способности вычленять

⁹ Кузьмин А. Г. «Мудрость бо велика есть...» // Златоструй: Древняя Русь X-XIII веков. М., 1990. С. 15-16.

эффективность, условия и средства ее достижения. Д. Лихачев писал о раскрепощении, «эмансипации личности в литературе XVII в.»¹⁰.

Важнейшее значение утилитаризма заключается в возникновении принципиально отличной от традиционалистской культуры конструктивной напряженности. В ее основе лежит дуальная оппозиция «повышение эффективности деятельности (в частности, труда) — снижение эффективности». Первый полюс рассматривается как комфортный, второй — как дискомфортный. Развитие утилитаризма существенно усложняет следование социокультурному закону, деятельность, направленную на преодоление социальной энтропии, социокультурных противоречий. Если следование социокультурному закону на основе вечового идеала означает постоянный возврат к некоторому исторически сложившемуся социальному и культурному стереотипу, то *развитие утилитаризма включает возрастание критического отношения к ранее сложившемуся идеальному состоянию*. Это усиливает необходимость установить единство культуры и социальных отношений на изменяющейся основе. В условиях умеренного утилитаризма эта новизна ограничивается лишь попытками количественных изменений в рамках сложившегося порядка, например, накопления благ. Это выражается в мечте о стране, где текут «молочные реки в кисельных берегах», в стремлении накопить богатство, овладеть тайной изобилия, скажем, достать скатерть-самобранку. Развитой утилитаризм включает стремление к новым средствам — вовлекать в торговлю новые товары из далеких стран, создавать новые формы деятельности, превращать накопленное богатство в новое богатство (например, получать дополнительные блага передачей тех или иных средств в аренду, денег в рост и т. д., создавать новые технические средства и т. д.).

Влияние утилитаризма на господствующий нравственный идеал можно видеть не только в идее блага, но и в тенденции к повышению масштабов и уровня производства, в определенной ограниченной поддержке обществом людей, которые к этому способны. Это можно отметить в России с середины XVII века, что проявилось в стремлении изменить распределение престижа людей, участвующих в принятии важнейших государственных решений. Новый идеал ставил их в зависимость от способности обеспечивать достаточно эффективные решения. Утилитаризм требовал выдвижения на государственные должности людей с более развитым умом, способных решать все более сложные задачи. Петр I вербовал офицеров

¹⁰ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X-XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 144.

даже в среде холопов. Медиатор ставил себе на службу тех, кто оторвался от почвы, от местных миров. Таких людей было немного, так как те, кто принадлежал к верхам, были привязаны к сословным ценностям, древним привилегиям. Местничество, т.е. система служебных отношений, связанная с боярскими титулованными фамилиями, было пригодно в сравнительно неизменном обществе, где место каждого четко определялось в значительной степени еще до рождения.

В 1682 году собор постановил: «Быть всем чинам без мест и служить там, где государь укажет». Местничество было отменено. Иначе говоря, чиновник стал средством в руках государства для получения более эффективного результата в ущерб архаичной растворенности личности в некотором целом, в общности. В 1722 году была введена Табель о рангах, что логически следовало из уничтожения местничества. Само понятие «благородный дворянин» связывалось при Петре не с происхождением «от благородного корня», но со служебным положением. Это существенно расширило возможности высшей власти стягивать к центрам управления людей, максимально способных к организационной деятельности. Правящая элита осуществляла политику формирования сословия чиновников точно так же, как некогда осуществлялась политика формирования сословия помещиков. В обоих случаях эта политика была проявлением потребностей усложняющегося большого общества, а не случайной прихотью.

«И НИКТО БЫ БЕЗ ДЕЛА НЕ ШАТАЛСЯ»

Своей высшей точки крайний авторитаризм достиг при Петре I (1682-1725). Царь пытался перестроить систему управления соответственно модели, сочетавшей авторитаризм с элементами коллегиальности. Лично Петру, следовательно, были присущи не только крайние авторитарные стремления. Вместе с тем усиливалась власть губернатора, который назначался царем и сосредоточивал в своих руках всю власть в губернии, включая военную и финансовую. При губернаторе должен был существовать выборный из дворян «ландрат», решениям которого губернатор должен был подчиняться. Этим впервые вводился принцип равноправного участия в делах чиновника авторитарной власти и местных избранников. Однако эти любопытные учреждения, во-первых, фактически никогда не были выборными. Во-вторых, они вскоре бесследно исчезли. Коллегиальный институт не нашел поддержки в обществе. Это подтверждается, например, абсентеизмом местных дворян, когда в 1724 году им было предоставлено право избирать земско-

го комиссара для сбора подушной подати. Общество восприняло лишь авторитарную сторону этих институтов. Царь был бессилён, когда дело касалось каких-то элементов представительного правления. Его попытки создать местное самоуправление окончились полной неудачей. Эти аспекты реформ абсолютно не принимались обществом. Авторитарное управление распространилось на повседневную жизнь горожан. Чиновники должны были обеспечить охрану жизни, здоровья и имущества, покровительство торговли, промышленности, просвещения и благоустройства, охрану нравственности и чистоты веры путем зоркого наблюдения за поступками и помыслами местных жителей. Подданный обязан был не только нести установленную указом службу, но должен был жить не иначе как в жилище, построенном по «указному» чертежу, носить «указное» платье и обувь, предаваться «указным» увеселениям, подчиняться «указным» порядкам, в «указных» местах лечиться, в «указных» гробах хорониться и «указным» образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в «указные» сроки (М. Богословский). Преследование национальных форм быта принимало крайние формы издевательства, часто без серьезного на то основания. Чтобы иностранцы не выделялись в толпе и не подвергались опасности, население вынуждалось брить бороды, носить иноземную одежду.

Гражданская бюрократия соединилась с военным начальством. Военизация управления более соответствовала смыслу крайнего авторитаризма. Бесконечные формы надзора и контроля теперь дополнялись тем, что губернаторов, воевод, комиссаров за нерадивость и неисправность в сборе податей военные получили право заковывать в цепи, сажать в тюрьму и штрафовать. Боярская дума утратила всякое значение и наконец перестала собираться. В 1704 году был создан кабинет Петра — личная канцелярия царя — как высшее государственное учреждение.

В октябре 1721 года Петр провозгласил себя императором. Отныне никакие общегосударственные законы не могли исходить от какого-либо другого учреждения. Интеграция обеспечивалась стремлением центра власти держать под своим контролем все социальные процессы, включая процесс распределения престижей.

При Петре было издано 392 указа, касающихся норм уголовно-полицейского характера, в целях борьбы с беглыми бунтовщиками, «ворами», разбойниками и т. д. Если в 1649 году смертная казнь предусматривалась в 60 случаях, то в 1716 году к ним прибавилось еще 13, включая «сопротивление начальству». Существующие меры наказания пополнились вы-

рыванием ноздрей, языка и клеймением. К гражданским лицам широко применялись военно-уголовные законы. Всего при Петре было издано 3 314 указов, регламентов и уставов.

Рост авторитаризма выразался в стремлении к дальнейшему закреплению общества, превращению всех и каждого в составной элемент медиатора. Оно протекало как процесс своеобразной кристаллизации «жидкого элемента», как прикрепление личности к месту, например, к определенному поместью, к начальству, к помещику. Крестьянин был подчинен важнейшей функции государства, необходимости содержать помещика — царского слугу. Это состояние, которое иногда ошибочно отождествляется с рабством и которое действительно в своих крайних формах тяготело к рабству, нельзя было достигнуть, закрепить лишь средствами насилия или даже экономического закабаления. Не было такой силы, которая могла бы установить крепостничество вопреки воле миллионов. Тем более на это не была способна слабая бюрократия. Крепостничество в России могло возникнуть в результате того, что формирование органического внутреннего единства общества, рост и укрепление государства могли черпать силы главным образом в ценностях локальных миров, в системе локальных личностных отношений.

Сама природа крепостничества в России — результат не манипуляции слабого государства, но экстраполяции на большее общество социальных отношений, конструктивной напряженности первобытных локальных миров, выброса этих ценностей древнего локального мира до самых вершин власти, и это означало закрепощение всех, вплоть до правящей элиты. «Основанием крепостного права служил начальный тип великорусского общественного быта — дом и двор... Чадам и домоладцам, состоящим под властью господина, по тогдашней терминологии „государя“, казалось очень естественным состоять под его „наказанием“... Древняя великорусская общественность, построенная снизу доверху на начале двора или дома и проникнутая вытекающим из него крепостным правом, была в народных нравах и убеждениях, поддерживалась не насилием, а сознанием»¹¹. Эта идея развивалась и в исследованиях других авторов, кто видел в этом процессе стремление человека найти «крышу», подчиниться покровителю, стать винтиком некоторой монополии. Закрепощение рассматривалось как стремление «экономически и социально слабых элементов общества стать под защиту и покровительство сильных. Это стремление

¹¹ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 213, 215.

вытекало из того, что при известных политических и социальных условиях самостоятельное хозяйство и самостоятельная борьба за существование становятся настолько трудными, что слабые люди предпочитают отказаться от свободы, а иногда и от личного имущества, чтобы жить и вести самостоятельное хозяйство под защитой сильного человека. В крайних случаях человек продавался в полное холопство. В других — поступал на службу. Затем защита сильных людей достигалась иногда тем, что человек вступал фиктивно или действительно в такие долговые отношения, которые ограничивали его свободу в пользу покровителя»¹².

Стремление отдать себя под власть сильного соответствовало ценностям тотемического синкретического сознания с характерным для него стремлением раствориться в как бы заданной внешней силе, черпать в ней собственную силу. Историк В. И. Сергеевич писал: «Сельское население еще задолго до прикрепления крестьян к земле находилось уже под вотчинным судом владельцев». Он полагал, что вотчинное право суда и управления вошло в состав крепостнического права, некоторые черты которого имеют, таким образом, более глубокие корни, чем указы, сперва ограничившие, а потом и вовсе отменившие вольный переход крестьян. Историки К. А. Неволин, Н. П. Павлов-Сильванский, М. А. Дьяконов полагали, что крепостничество опиралось на существующий с древности порядок, когда землевладелец управлял, судил, взимал подати. Очевидно, древность подобного порядка свидетельствовала о его общепринятости, о восприятии его всеми как чего-то естественного.

Крестьянин XV-XVI веков лишь в редких случаях мог обзавестись хозяйством без материальной помощи со стороны землевладельца или без льгот от казны. Однако сама по себе экономическая зависимость не перерастает автоматически в личную. Для этого нужно еще одно условие — отсутствие в личном сознании ценности свободы. Вспомним античный мир, где экономическое закабаление с последующими попытками порабощения должника встречали непреодолимое препятствие — систему ценностей свободного гражданина. Государственная власть, санкционируя процесс закрепощения, лишь выражала страх общества перед силами дезорганизации, опираясь на тот способ обеспечения единства, который был под рукой.

Процесс закрепощения, кристаллизации общества, закрепления личности за ее функциями был мучительным и сложным. Он совершался на всех этажах общества. Важным звеном

¹² Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 20-21.

было закрепощение самой правящей элиты. Если в Западной Европе социальный статус вассала определялся размерами земельной собственности, которой он владел, то в России статус слуги определялся его положением на княжеской, затем — на царской службе. В условиях примитивных форм земледелия и отсутствия стабильных форм частной собственности на землю земля представляла ценность не сама по себе, а как плата за службу. Экономическая несамостоятельность ставила личность в положение, зависимое от власти. Превращение службы в личную зависимость явилось лишь модификацией и переносом отношений, сложившихся в синкретических коллективах, в которых не расчлняются личность и ее социальные функции, где индивид закреплен за определенной функцией. Государство выступало как особый мир среди других миров и, следовательно, получало право на личность своего чиновника.

Чиновника соединяла с медиатором утилитарная система ценностей, например, надежды на получение поместья. Это отличало чиновника от дружинника киевских князей. Дружинники понимали свою службу как основанную на личном отношении к князю. Например, захваченная добыча делилась князем полюбовно на равноправных основах. Теперь же выросло значение безличной утилитарной связи, привязанной не столько к личности царя, сколько к месту службы, к поместью. Личная связь замещалась безличной организацией, однако синкретически персонифицировалась в личности первого лица государства.

Все предшествующее развитие общества, весь путь медиатора, вся система первобытного мировосприятия логически вели к дальнейшему процессу включения новых слоев общества в структуру медиатора, т. е. к дальнейшему закрепощению. Из закрепощения служилых сословий логически вытекало закрепощение крестьянства — населения пожалованной за службу земли. Крестьянский труд был экономической основой царской службы. Прикрепление к службе требовало закрепощения крестьян. Иначе сам поместный институт, вся система ценностей медиатора оказывались под угрозой стихии «жидкого элемента». Со своей стороны, крестьянство, перенося на царских слуг свое позитивное отношение к царю-батюшке, рассматривало работу на помещика как своего рода службу государству, так как видело в ней вознаграждение помещика за военную службу. Собственно, так на это смотрело и правительство.

На разных уровнях сообществ процесс закрепощения приобретал специфическую интерпретацию. Дворянство с самого начала было склонно истолковывать крепостную зависимость

как форму холопства, а значит, как лишение крепостного всех человеческих прав. Помещик как составной элемент медиатора был надзирателем крестьянской жизни, сборщиком казенных податей, правителем, что делало его в тех условиях фактически собственником личности крестьянина. Неповиновение обрекало человека на определенных этапах крепостничества на жестокие истязания, каторжные работы. Законодательство XVII века рассматривало владельца земли как своего рода чиновника с возложенными на него правительством обязательствами — обеспечения в голодные годы крестьян продовольствием, оказания им материальной помощи в случае бедствия. Эти обязательства выполнялись плохо, что свидетельствовало скорее о слабости государства, нежели о его нежелании наладить взаимопонимание с крестьянством. Высшая власть тяготела к истолкованию, согласно которому взаимоотношения крестьянина и землевладельца — важное звено в отношениях между крестьянином и государством, что требовало подчинения всей системы отношений интересам государства. И, наконец, у крестьян формировалось свое отношение к крепостной зависимости, основанное на идеалах общинной жизни: признавалась зависимость от царя и его слуг, но отрицалось разрушительное вмешательство начальства (т. е. тех же слуг) в традиционный уклад жизни.

Любой нравственный идеал в этих условиях не мог не быть версией крепостничества. Крах государственности в Смутное время подготовлялся сопротивлением крестьян крепостничеству в той степени, в какой крепостничество вступало в конфликт с древними формами жизни. Однако само согласие крестьян, пусть ограниченное, на государственность в условиях господства синкретизма практически означало согласие на крепостничество. *Крепостные отношения распространялись на все более широкие слои населения. Все вольные люди, непригодные к военной службе, обязаны были записаться в крестьяне или дворовые, чтобы «гуляки за ремесло принялись и никто бы без дела не шатался»¹³. Уже по смерти Петра I появился указ о ссылке гулящих людей в Сибирь, если никто не дал согласия на признание их своими крепостными. *Вольный человек немислим в России вплоть до конца XVIII века.**

Сложилась ситуация, существенно отличная от той, которая когда бы то ни было имела место на Западе. *Острая потребность в государственности приобрела в массах в результате страха перед хаосом форму согласия на закрепощение, на подчинение царю, начальству, согласия на наси-*

¹³ См.: Ключевский В. О. Сочинения. М., 1958. Т. 4. С. 212.

лие над собой как на что-то естественно неизбежное со стороны капризной, то злой, то доброй воли.

Крепостничество как форма экстраполяции на большое общество древнего локального идеала при недостаточном развитии срединной культуры никогда не получало законодательной санкции. Оно оформлялось на основе практических распоряжений властей, преследующих задачи упорядочения «жидкого элемента», в частности, решения финансовых задач. Крестьянин прикреплялся к личности помещика или вотчинника. Это было, видимо, результатом слабости сословий и, прежде всего, слабости крестьянства, недостаточного осознания им своих сословных интересов, выходящих за рамки локального мира. Это было *результатом своеобразного усиления государственного /мчала за счет сословного*, когда надо всем преобладало стремление все связи в обществе свести к вертикальным, т. е. от первого лица к каждому подданному. При слабости горизонтальных внутрисословных связей это действительно могло превратить личность в собственность человека, стоящего на ступень выше.

РЕФОРМА

Существование стран либеральной цивилизации, обладающих большей способностью повышать эффективность своей деятельности, создавало для России все более сложные проблемы. Оказалось, что страна не в состоянии вести войну старыми организационными и техническими средствами. В XVII веке отсталость, скудность собственных материальных и духовных средств по сравнению с западноевропейскими ощущалась сильнее, нежели в начале XVI века. Со времен Ивана IV оборона страны во всевозрастающей мере зависела от иностранцев. Уже в конце XVII века из них вербовались отряды царских телохранителей.

В. Ключевский писал, имея в виду XVII век, о чувстве национального бессилия, все более явно вскрывавшегося и в войнах, и в дипломатических отношениях, и в торговых сношениях. Сражения под Азовом показали Петру, что только европейское военное искусство может помочь пересилить Турцию. Правительство прибегло к заимствованиям прежде всего в области военной, в войнах предпочитали использовать наемные отряды, в дальнейшем иностранные офицеры использовались для обучения ратных людей. В соответствии с новыми требованиями организованы были полурегулярные войска, оружие и боеприпасы для которых ввозились из Швеции и Голландии. Само это обращение к иностранной помощи свиде-

тельствовало не только об отставании России, но и о ее развитии, о росте ее сложных потребностей, о ее определенной способности овладеть более сложными средствами и перейти к более сложным формам жизни.

Общество ощущало прежде всего общий недостаток ресурсов и квалификации для решения тех сложных проблем, которые оно поставило перед собой. Очевидно было, что отсталость страны не позволяла занять то положение, которое соответствовало претензиям в сложных условиях меняющегося, овладевающего невиданными средствами мира. Отсюда мучительное стремление ликвидировать этот разрыв, прибегая к освоению западных средств. Результатом были попытки реформ. Реформы выражали на деле стремление царя, правящей элиты превратить дискомфортное состояние в движущую силу роста эффективности воспроизводства, во всяком случае некоторых его сфер. *Идея реформы означала критику исторических форм реакции общества на рост дискомфортного состояния, отношения к нему как к результату козней злобных внешних сил, означала рассмотрение этого состояния как энергетического импульса для саморазвития, самосовершенствования. Идея критики исторического опыта здесь приобретает рефлексивный характер в масштабах общества, превращается в средство его самосовершенствования. В этом можно видеть принципиальный отход от чисто архаичной инверсионной реакции на дискомфортное состояние, которая означала форму перехода к альтернативе в рамках исторически сложившегося опыта. Реформа включала поиск, созидание новых альтернатив.*

Планы реформ не были систематизированы, продуманы, не имели общей концепции. Это были скорее импульсивные ответы высшей власти на выявившуюся внутреннюю неспособность отвечать на вызов истории. Это была система эклектических, оторванных друг от друга утилитарно мотивированных мероприятий, нацеленных в конечном итоге на то, чтобы любыми методами подвигнуть людей на определенные действия, на увеличение производимых ресурсов, овладение для этого определенными более сложными видами деятельности. Конечно, эти вполне утилитарные задачи могли решаться лишь теми средствами, которыми общество реально располагало.

Во время царствования Петра количество промышленных горнодобывающих предприятий возросло в четыре раза. Здесь не было, по сути, ничего оригинального, продолжалась в больших масштабах и с большей жесткостью политика предшествующего этапа. Основанные правительством предприятия управлялись чиновниками. Каждый шаг усиливал раскол меж-

ду промышленностью на крепостнической, дорыночной основе и промышленностью, развиваемой на основе частной инициативы. Эти реформы были *попытками модернизации, которые, однако, в значительной степени опирались на потенциал крепостничества.*

Предприятия могли передаваться в пользование дворянам и купцам. Однако «частные предприниматели пользовались лишь правом владения... Как и в XVII в., при Петре промышленность и шахты работали исключительно на государство. На свободном рынке можно было продавать лишь ту часть продукции, которая была не нужна государству. Правительство покупало продукцию частных промышленных и горнодобывающих предприятий по твердой цене, обычно по себестоимости. Прибыль можно было получить лишь с продажи излишков. Государство давало указания о качестве и количестве изготавливаемой продукции; невыполнение их грозило наказанием»¹⁴. Аналогичные меры принимались и в сельском хозяйстве. Воеводы получали распоряжения «заводить пашни» в отдаленных районах, чтобы снабжать Москву, делались попытки повысить уровень сельскохозяйственной техники, приглашались специалисты и т. д.¹⁵

Однако усилия правительства не привели к решающему успеху. Подспудные силы подтачивали господствующий нравственный идеал, соответствующие формы организации. Подати превысили вдвое прежнее обложение. Они, по словам В. Ключевского, доведены были до «непереступаемого предела». Налицо было «крайнее налоговое изнурение труда»¹⁶. Осуществив закрепощение всего общества, всех сословий, поглотив всё, исключая бунтовщиков, медиатор оказался бессильным выполнить свою социальную функцию, ту функцию, которая нравственно оправдывала его деятельность: обеспечение единства общества. Закрепощение общества парализовало медиатора, сделало его жертвой рабского духа, рабских принципов, рабских идеалов. Медиатор, решая задачу укрепления организации власти, одновременно разрушал источники творческой энергии масс и тем самым подрывал собственное существование.

Внедрение более передовых форм ремесленного труда не сопровождалось прогрессом системы управления, законодательной деятельности. Реформы не стимулировали людей к поискам более совершенного уклада жизни, а методы насилия лишь возводили бесправие в правило, рвали нити, связываю-

¹⁴ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 278-279.

¹⁵ *Ляценок П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1947. С. 375.

¹⁶ *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 4. С. 143, 145-146.

щие народ с властью. Правящая элита не была ориентирована на социальные улучшения и, в сущности, вряд ли подозревала, что к этому нужно стремиться. Ничего не было сделано для выработки культурных мутаций, открывающих возможности новых путей развития самосознания людей. Напротив, медиатор закреплял прежде всего своими средствами низкий уровень самосознания и тем самым отрезал пути выхода из создавшегося положения. Печальные обстоятельства русской истории и, прежде всего, сложность задач, подлежащих разрешению в условиях господства синкретической культуры, создали слабую государственность, получающую из почвы недостаточное по сравнению со сложностью проблем количество творческой энергии.

Несмотря на рост задач государства, численность чиновников в государственном аппарате нельзя считать чрезмерной. Отсутствие средств не позволило содержать даже существующий аппарат. Государство затрачивало на управление такую же сумму, как маленькая Ливония. В 1714 и 1715 годах были сделаны попытки повсеместно ввести денежное жалование чиновникам вместо раздачи поместных окладов и выдачи хлеба. Однако на это не хватало денег. В 1727 году выплата денежного жалования канцелярским служащим была отменена. Вернулись к порядкам XVII века, когда чиновники «кормились от дел», т. е. фактически пробавлялись взятками. Узаконенное взяточничество усиливало в глазах народа представления о чиновнике (т. е., в конечном итоге, о государстве) как о враждебной силе. Эти настроения стимулировались воровством чиновников, в том числе самых высокопоставленных. Оно достигало фантастических размеров. Симптомы бессилия, дезорганизации власти были налицо еще при Петре. К концу жизни он издал ряд указов, где жалуется на общую служебную распущенность, на пренебрежение правительственными указами, что было, по словам В. Ключевского, «настоящей язвой управления».

Таким образом, выход за рамки тотемизма, переход к самокритике охватил лишь крайне ограниченную часть общества, не проникая в его толщу, где продолжали преобладать архаичные представления о существовании внешней силы как фактора, порождающего дискомфортное состояние, о борьбе с ней как средстве восстановления комфортабельного состояния. Все это дает основание для заключения, что петровское царствование еще более углубило раскол в обществе.

«ЖИДОВИН ИЗ РОДА ДАНОВА»

Атмосфера петровских реформ была разрушительна для повседневной жизни рядового человека. В их основе лежало стремление рассматривать людей и общество как некий механизм, который может управляться мастеровым. В концепции Петра проступали черты общества-машины, где человек представлял объектом манипулирования, деталью механического целого. Если обычное синкретическое государство оставляло нетронутым уклад жизни населения, общину, семью, то теперь авторитарное государство, получив мандат на управление, пыталось поставить все с ног на голову, вторгалось и в повседневную жизнь, быт, навязывая ценности, до того чуждые русскому сознанию.

Тем самым крайний авторитаризм приобрел черты тоталитаризма, стремящегося превратить первое лицо в единственного реального субъекта жизни людей на всех уровнях, вплоть до повседневности. Как говорили некоторые иностранные путешественники, указы Петра написаны кнутом. Петр полагал, что ему удалось создать новую породу людей. Сам он любил принуждать к противоестественным и мучительным действиям. Это касалось и ближайшего окружения, и всей страны. «Сейчас мы с ужасом отвращения думаем о том сплошном кощунстве и надругательстве, каким преломилась в жизни Петровская реформа»¹⁷. Но с особенной силой дезорганизация проявилась после смерти Петра I, когда стало очевидным, что правящая элита не способна ни продолжать дело реформ, ни просто обеспечить удовлетворительное функционирование медиатора. Причина была в том, что стремление ввести новую конструктивную напряженность, ориентированную на развитие, вступило в конфликт с обществом и не смогло воодушевить необходимый минимум сторонников, активно поддерживающих реформы.

Низшей точки нравственного падения общество достигло в царствование Анны Иоанновны (1730-1740). Недоимки, достигшие размера почти двухгодичного государственного дохода, выколачивались путем жесточайшего насилия. Вооруженные отряды забирали все имущество у зажиточной части населения. Если полученных денег не хватало, то бывших собственников выводили на правеж. Били всех повсеместно и постоянно: дворян, воевод, низшее и высшее духовенство. Крестьян тысячами ссылали в Сибирь. Люди массами бежали за границу. За десять лет около 250 тыс. скрылись в Польше и

¹⁷ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции// О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 419.

Литве. Результатом были заброшенные деревни и голод. Медиатор, пытаясь подключиться к энергии общества, фактически его разрушал. Русские войска, попавшие за границу, имели приказ хватать всех беженцев, которые затем ссылались в Сибирь. Торговля людьми была узаконена. Она была обложена налогом, как и продажа любой другой собственности. Можно говорить «о страшном разложении русского общества в XVIII веке»¹⁸. Знаток России француз Леруа-Болье писал, что XVIII век был для России школой дезорганизации. Посланник Пецольд писал: «Все русские признают, что можно делать что угодно, имея в своем распоряжении известное количество гренадеров, погреб с водкой и несколько мешков с золотом». Граф Н. И. Панин говорил о режиме «временщиков и куртизанов», худшей форме личного произвола, правительственные учреждения он определял как «безгласные» и никакого образа государственного не имеющие.

Екатерина II застала страну в крайне мрачном состоянии. Почти все отрасли торговли были обращены в разорительные для страны частные монополии. Тюрьмы переполнены. Пытки и неправомерно жестокие наказания были в обычае. В суде господствовал произвол чиновников, народ страдал от незаконных поборов. Распоряжения сената исполнялись лишь после третьего указа. В сенате не было даже карты империи. «Доверия к правительству не было никакого,— писал В. Ключевский,— но все привыкли думать, что никакого другого распоряжения от него и исходить не могло, кроме вредного к общему благу. Значит, государство утратило свой смысл в народном мнении и даже превратилось в какой-то заговор против народа»¹⁹. Жизнь покидала закостеневшую государственную систему. Крайний авторитаризм, как и ранний умеренный авторитаризм, подвел страну к краю пропасти, к реальной угрозе новой национальной катастрофы. Массовое насилие власти имело разрушительные последствия. Впрочем, само это насилие было следствием массовой инверсии, утвердившей авторитаризм и дававшей властям нравственное право на насилие. Однако при этом предполагалось, что власть использует это право в других целях, для воплощения массовых идеалов. Следовательно, в глазах народа насилие, правомерное по своей сути, подчас применялось не по назначению. Фактически оно стимулировало обратную инверсию, отход народа от авторитарной власти.

Постоянное массовое стремление к локализму, желание замкнуться в локальных сообществах приобрело в результате

¹⁸ Коялович М. О. История русского самосознания. СПб., 1884. С. 151.

¹⁹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 5. С. 67.

банкротства крайнего авторитаризма новые черты. Негативное отношение к власти стало переноситься и на первое лицо, на царя, что имело громадные последствия для дальнейшей судьбы страны.

Наступление власти на ценности широких масс народ неизбежно воспринимал как рост дискомфорта, рост хаоса, провоцируемый силами зла. В качестве непосредственных носителей зла теперь рассматривалось не только начальство, но и сам царь, т. е. личность царя инверсионным образом переводилась в сферу зла. Тем самым все государство снизу доверху рассматривалось как носитель кривды. В конце XVII и в начале XVIII века возникла идея о подмененном царе. Ходили слухи, что Петр I — сын польки, что царица родила девочку, которую подменили немчком. О Петре существовала легенда, что он является «жидовином из рода Данова», подменившим истинного царя, пропавшего без вести в «стеклянном государстве». Деятельность Петра I рассматривалась как продолжение богопротивных дел Никона: в таких мероприятиях, как введение нового календаря, видели нарушение сложившегося порядка, покушение на православие. Отсюда многочисленные версии о Петре-антихристе, от которого гибнет благочестие и вера, а царство его есть наступление конца мира. Вспыхнувшее восстание К. Булавина угрожало правящей элите новым истреблением. Восставшие обращались к «черным людям», к «голытьбе непокрытой» с призывом бить князей и бояр, «сажать в воду» (т. е. топить), расправляться с воеводами, начальными людьми, старшинами, подъячими, «неправедными» судьями, «обидчиками», «злыми супостатами» и т. п. Характерно двойственное отношение восставших к власти, неоднозначное отношение к царю. Известно не менее пятнадцати обращений восставших к Петру, к воеводам, «полководцам», «добрым начальникам», в которых они стремились открыть власти глаза на положение народа. Однако вскоре наступила инверсия. В 1708 году Булавин пригрозил смертной казнью всем, «кто станет говорить, чтоб принести великому государю повинную». Влияние староверов в этом восстании было, по-видимому, сильнее, чем в восстании Разина.

То, что чисто просветительскому взгляду может показаться нелепыми предрассудками темного народа, в действительности было творческим изменением представлений людей, реакцией на попытку разрушить синкретические ценности. Эта реакция перерастала в активную вооруженную борьбу с государством как кривдой антихриста. Трагедия этой борьбы заключалась в том, что активизация синкретизма не несла в себе иного, более совершенного идеала государственности, нового принци-

пиально реализуемого решения медиационной задачи. Она опиралась на локалистские догосударственные ценности.

ОТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАСКОЛА К ХРОМАЮЩИМ РЕШЕНИЯМ

Именно во время царствования Петра I приобрело свою зрелую форму такое специфическое для России явление, как раскол. Представление о расколе возникло в связи с церковным расколом, но затем приобрело обобщенный смысл некоторой всеобщей характеристики России. Раскол может рассматриваться как важнейшая категория, характеризующая некоторую крайнюю форму существования общества. Вот два высказывания по этому поводу. «Петру удалось на века расколоть Россию: два общества, два народа, переставших понимать друг друга»²⁰. «С той чреватой поры, как примчался к невскому берегу металлический Всадник, как бросил коня на финляндский гранит — надвое разделилась Россия; надвое разделились и судьбы отечества, надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа Россия. Ты, Россия, как конь! В темноту, в пустоту занеслись два передних копыта; и крепко внедрились в гранитную почву — два задних»²¹. Раскол, следовательно, рассматривается как потеря взаимопонимания двух слоев общества, один из которых связан с народной почвой, другой — с оторванным от почвы стремлением к новому. Раскол есть особое состояние социальной системы, для которого характерен стойкий длительный разрыв коммуникаций между слоями общества, жизненно важными для целого, их стойкое отчуждение друг от друга, невозможность взаимопроникновения смыслами и, следовательно, их социального взаимопроникновения. Раскол возник на объективной основе достаточно общеизвестного факта. Исследователи подчеркивают чрезвычайную устойчивость, «вневременность», статичность бытового, народного пласта культуры, который обладает собственным ритмом, не совпадающим во времени ни с изменениями действительности, ни с формами существования «высокой» культуры. В то же время он — «часть культуры своего времени, составляет с ней амбивалентное целое»²². В силу тех или иных конкретных социальных и культурных причин это нарушение

²⁰ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции. С. 419.

²¹ Белый А. Петербург. М., 1978. С. 89-90.

²² Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике// Одиссей: Человек в истории. М., 1991. С. 97.

приобретает устойчивый, застойный характер. Для раскола характерен *заколдованный круг*.

Раскол является не простым разрывом между противоположными ценностями. Попытка одной части общества, скажем, правящей элиты, распространить на все общество свои ценности приводит к активизации, усилению противоположных ценностей. Например, стремление власти модернизировать страну, внедрить ценности роста и развития может восприниматься носителями синкретического сознания как негативное, что вынуждает их активизировать свои ценности.

Существование раскола признавали самые разные и далекие друг от друга деятели. В. И. Ленин говорил о существовании двух культур в каждой нации — буржуазной и пролетарской²³. Богослов Г. Флоровский писал о наличии в древнерусском обществе двух культур: «дневной» и «ночной». «В подпочвенных слоях развивается „вторая культура“, слагается новый и своеобразный синкретизм, в котором местные языческие „переживания“ сплавляются с бродячими мотивами древней мифологии и христианского воображения»²⁴. Д. Мережковский также говорил о дневной и ночной России. К первой он относил Писарева и Чернышевского, ко второй — Достоевского и Лермонтова. «Какая из этих двух России подлинная? Обе одинаково подлинны». Он говорил о крайностях, «которые так удивительно совмещаются в России»²⁵. На раскол указывали Н. Бердяев²⁶, В. Ключевский²⁷. А. Герцен писал: «Ужасное последствие полного разрыва народной России с Россией объевропеизированной. Между двумя лагерями порвалась всякая связь»²⁸. Идея раскола под разными названиями пронизывает элитарную культуру.

Возможность раскола коренится в самой логике мышления и деятельности. Она заключается в гипертрофированном по отношению к сложности проблем использовании инверсии при недостаточном развитии медиации. Сложные проблемы решаются не столько наработкой нового соответствующего содержания культуры, интерпретацией, сколько обращением к уже накопленному ее богатству, к односторонней экстраполяции прошлой культуры на осмысляемое явление, к слепой вере в

²³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 24. С. 120-121.

²⁴ Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 3.

²⁵ Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 371.

²⁶ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 10-11, 14-15 и др.; Он же. Судьба России. М., 1990. С. 14, 33, 73, 223 и др.

²⁷ Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 13-14.

²⁸ Герцен А. И. Поли. собр. соч. и писем. Пг., 1917. Т. 6. С. 364.

то, что дискомфортное состояние может быть снято в процессе инверсионного перехода от одного полюса дуальной оппозиции к противоположному. Необходимым условием возникновения раскола является смещение меры между экстраполяцией и интерпретацией, меры между инверсией и медиацией к первым полюсам в ущерб вторым: меры, которая определяется сложностью и динамизмом поставленных проблем, фактически их выходом за рамки исторически накопленного опыта. Именно в этом случае можно говорить о слабости срединной культуры.

Это негативное обстоятельство уже обращало на себя внимание исследователей. «Основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русского средневековья располагаются в двуполосном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны... В реальной жизни западного средневековья оказывается широкая полоса нейтрального поведения, нейтральных общественных институтов, которые не являются ни „святыми“, ни „грешными“, ни „государственными“, ни „антигосударственными“, ни хорошими, ни плохими. Эта нейтральная сфера становится структурным резервом, из которого развивается система завтрашнего дня... Система русского средневековья строилась на подчеркнутой дуальности... Промежуточных нейтральных зон не предусматривалось... В земной жизни поведение могло быть или грешным, или святым... Светская власть могла трактоваться как божественная или дьявольская, но никогда — как нейтральная по отношению к этим понятиям. Наличие нейтральной сферы в западном средневековье приводило к тому, что возникала некоторая субъективная непрерывность между отрицанием сегодняшнего и ожидаемым завтрашним днем... Нейтральная сфера жизни становилась нормой, и высоко семиотизированные сферы верха и низа средневековой культуры вытеснялись в область культурных аномалий. В русской культуре соответствующего периода господствовала иная ценностная ориентация. Дуальность в отсутствие нейтральной аксиологической сферы приводила к тому, что новое мыслилось не как продолжение, а как эсхатологическая смена всего... Изменение протекает как радикальное отталкивание от предыдущего этапа... Новое возникало не из структурно „неиспользованного“ резерва, а являлось результатом трансформации старого, так сказать, выворачивания его наизнанку. Отсюда, в свою очередь, повторные смены могли фактически приводить к *регенерации* архаических форм»²⁹.

²⁹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)// Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1977. Т. XXVIII (Литературоведение). С. 4-6.

Таким образом, гипертрофированная приверженность к поляриностям и недооценка середины, поиска синтеза, меры в каждом акте осмысления порождает возможность раскола на два противоположных полюса в каждом таком акте.

Логически или гносеологически возможность раскола существует в каждой клеточке мышления. Эта возможность в определенных неблагоприятных условиях может реализовываться в воспроизводственном процессе как в функциях, так и в структурах общества. Раскол был возможен, когда важные инновации не столько осваивались всем народом до самых его глубин, сколько вызывали у него отталкивание, дискомфортное состояние. В этом случае возникала враждебность к тем силам общества, которые были, или казалось, что были, проводниками этих новшеств. Это в свою очередь могло иметь место в результате того, что масштабы и темпы новшеств значительно превышали исторически сложившуюся в культуре способность их принимать, осваивать, превышали некоторый сложившийся в культуре допустимый шаг новизны. Поэтому новшества могли служить фактором накопления взрывоопасного материала, но при этом в обществе сохранялись очаги инноваций, без которых оно существовать не может.

Суть раскола заключается в том, что способность общества следовать социокультурному закону снижается до уровня всего лишь способности сдерживать дальнейший рост социокультурного противоречия на грани необратимости. Иначе говоря, расколотое общество живет в условиях постоянной хронической собственной неспособности последовательно преодолевать социокультурные противоречия, вынуждено существовать в условиях острейших противоречий, конфликтов во всех формах, подводящих страну к катастрофе. Первой исторической формой раскола и одновременно той его формой, которая порождает все последующие, является раскол между обществом и государством. Его суть заключается в том, что конструктивная напряженность большого общества не может быть результатом чистой экстраполяции, конструктивной напряженности локального мира. Специфические задачи государственности, интеграции большого общества, необходимость новых средств для увеличения жизненно важных ресурсов приводят к столь существенной интерпретации исходной конструктивной напряженности, что она вызывает массовое дискомфортное состояние.

Первые элементы раскола наличествовали на Руси уже при возникновении государства, которое было одновременно и результатом творческой силы народа, и результатом внешней силы. В этой ситуации стремление правящей элиты ввести

христианство привело к дальнейшему усугублению раскола. «Именно в Киеве заложено зерно будущего трагического раскола в русской культуре»³⁰. Аналогична точка зрения Р. Пайпса. Он писал, что при варягах общество отличалось «необычайно глубокой пропастью между правителями и управляемыми. В Киевском государстве и в киевском обществе отсутствовал объединяющий общий интерес, государство и общество сосуществовали, сохраняя особые обличия, и вряд ли чувствовали какие-то обязательства друг перед другом». Для этого общества характерна «необыкновенно глубокая пропасть между держателями политической власти и обществом и собственническая, вотчинная манера отправления державной власти»³¹. В том же направлении действовала враждебность власти и церкви к народной культуре. «„Нечестивая“ языческая традиция, куда входили значимые элементы образа жизни, оценивалась как угроза господствующей идеологии»³². Христианство распространялось не как спонтанное движение широких масс, а в силу решения правящей элиты, которое осуществлялось также и средствами насилия. Это не могло не наложить глубокий отпечаток на отношение народа к христианству, церкви и государству. Как писал авторитетный историк русской церкви профессор Е. Е. Голубинский (1834-1912), государство пошло по пути «принудительного крещения». «Введение новой веры сопровождалось немалым волнением в народе, были открытые сопротивления и бунты»³³. Раскол обострил противоречие между локальной конструктивной напряженностью и конструктивной напряженностью, от воплощения которой зависит интеграция общества, существование его как целого. Раскол выступает как фактор дезинтеграции, дезорганизации.

Раскол порождает одно важное следствие, с которым придется сталкиваться в дальнейшем изложении, — то, что можно назвать хромающими решениями. Раскол есть фактически неспособность воспроизводить гармоничную интеграцию, единство общества, балансирующего на пути к необратимой дезорганизации, дезинтеграции. Раскол есть неспособность в обществе принимать целостные, значимые, охватывающие существенные стороны жизни общества решения. Принимаемые решения представляют собой некоторую неопределенно длинную цепь, в которой каждое решение корректирует, отменяет,

³⁰ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции. С. 411.

³¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 181-182.

³² Романов Л. Н. Культурологические аспекты крещения Руси// Религии мира: Ежегодник, 1987. М., 1989. С. 181-182.

³³ Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1880. Т. 1. Ч. 1.

ограничивает предшествующее и само в свою очередь становится жертвой последующего. Это естественный результат существования в обществе противоположных, парализующих, разрушающих друг друга сил, находящихся в разных смысловых полях. Активность в одном поле неизбежно вызывает противоположную в другом, что и находит выражение в цепи последовательно отменяющих друг друга решений. Это четко видно на примере петровских реформ. Высшая авторитарная власть постоянно металась между крайними решениями, будучи не в состоянии ни одну из крайностей довести до конца. Например, в первой половине XVIII века было издано около 200 указов, где строжайше предписывалось возвращать беглых их владельцам. Но само правительство не только не предпринимало необходимых мер для их осуществления, но и приостанавливало сыск с целью хозяйственного освоения новых районов. Та же ситуация сложилась с запретительными законами против крестьянской торговли и промышленности³⁴.

Это крайне негативное проявление раскола является важной особенностью общественной и государственной жизни, динамики российского общества.

АЛЬТЕРНАТИВА РАСКОЛУ?

В основе раскола лежит конфликт двух типов конструктивной напряженности, каждый из которых связан с определенным типом воспроизводства, типом цивилизации. Один из них является необходимым элементом традиционной цивилизации, соответствующей статичному воспроизводству. Другой — необходимый элемент либеральной цивилизации, интенсивного воспроизводства. Суть раскола заключается в том, что оба типа конструктивной напряженности оказались фантастическим образом совмещены во времени и пространстве, что порождало между ними разрушительный, периодически усиливающийся конфликт. Общество постоянно пыталось преодолеть раскол, усилить значимость то одного, то другого аспекта раскола, соответствующей системы ценностей. Очевидно, попытки реформы, использование ограниченных либеральных ценностей неизбежно означали стремление усилить в обществе конструктивную напряженность либерального типа. Это отчетливо видно при сравнении документов петровского царствования с предшествующими. Раньше в грамотах, которые получали наместники, содержалась стереотипная фраза: наместник, волостель «вас ведает и судит и входит у вас по всему по тому, как

34 Индова Е. И. Аграрный строй в России в XVIII в. М., 1966. С. 2.

было *преж сего*»³⁵. Власть, следовательно, ориентировалась на сложившиеся порядки. Теперь же она стремилась их изменить. Языческие представления носили циклический характер, т. е. основывались на повторяющихся элементах, например, смене времен года. Однако постепенно стала складываться идея истории, возникла ориентация на будущее. Представление о времени — элемент конструктивной напряженности. При Алексее Михайловиче в русской культуре появилось представление о бесконечности истории. «Если прежде настоящее воспринималось как эхо вечности, эхо прошедшего, то теперь оно стало зародышем будущего»³⁶. Изменение отношения к будущему означало изменение отношения к личности. Если сравнить тексты петровских указов с царскими указами XVII века, то для последних характерна следующая форма: «А буде, которые люди учнут делать то-то и то-то... и тех людей казнить без всякого милосердия»; в указах же Петра заметна мотивировка, элементы поучения — политического, юридического и естественно-научного характера.

Общество, по крайней мере правящая элита, постоянно пыталось преодолеть одну из систем ценностей, заменить ее другой, сместить центр тяжести между ними. Очевидно, что если бы это удалось, то в обществе сохранилась бы какая-либо одна конструктивная напряженность, т. е. исчез бы раскол, основа для хромающих решений. Однако специфика расколотого общества заключается в том, что оно оказывается не в состоянии преодолеть старую систему ценностей в пользу новой, так как обе системы ценностей оказались в той или иной форме достаточно укоренены, и потому раскол также остается непреодоленным: в обществе формируются силы, буквально его разрывающие, атомизирующие. Ни одна из противоположностей расколотого общества не может уничтожить другую, не уничтожив себя. Поэтому история страны становится в значительной степени историей постоянных попыток абсолютизировать одну из противоположностей в ущерб другой. Периодически вспыхивают конфликты между низшей формой конструктивной напряженности (например, локализмом, статичными ценностями), с одной стороны, и стремлением к интеграции большого общества, к динамичным типам конструктивной напряженности — с другой.

Переход от заторможенной вялой инверсии к раннему авторитаризму довел раскол до зрелой формы. Он приобрел харак-

³⁵ См., например: Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3. С. 156.

³⁶ *Панченко А. М.* История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко// Куликовская битва и подъем национального самосознания. М., 1979. С. 198.

тер острого конфликта между общегосударственными ценностями роста и развития и локальными ценностями статичного общества, между ценностями поступательного развития и инверсионным типом социальных изменений. Рост раскола усилил ненависть широких масс к начальству, взаимное непонимание между ними, неспособность власти воздействовать словом на чувства и разум подданных. Раскол стал тривиальной естественной трагической повседневностью.

«В ОГОНЬ И ВОДУ ТОЛЬКО И ХОДУ»

Период царствования Петра I всегда был предметом особого внимания исторической науки и иногда рассматривался как водораздел русской истории, как поворотный пункт от варварства к цивилизации, по мнению одних, или отказ от национального развития, самобытности, по утверждению других. Очевидно, обе эти точки зрения имеют определенные основания. Значение реформ Петра заключалось в том, что они усилили в высшей культуре «фермент западничества», стремление опереться на определенные ценности западного либерализма, сделали это стремление содержанием деятельности власти и образованного слоя. *Однако ограниченный, уродливый характер этого западничества заключался в том, что Запад, западная культура на русской почве были превращены лишь в набор реальных и потенциальных средств.* Еще Г. Плеханов подметил, что «по методам своим Петр был славянофил». Практически реализация идей западничества приводила к стремлению овладеть новыми средствами, но не целями. В результате новые средства были использованы для достижения старых целей. Но старые методы в значительной степени разрушали то, что должны были создавать. В. Ключевский писал о «домашних средствах», используемых для осуществления реформ, о том, что они «состояли только в расширении государственной власти за счет общественной свободы и в стеснении частного интереса во имя государственных требований... каждая реформа этого порядка сопровождалась какой-нибудь тяжелой жертвой для народного благосостояния и общественной свободы». Других методов общество почти не знало и не понимало. Этот разрыв между исторически обоснованными задачами и непригодными для их решения методами был невыносим. «В огонь и в воду только и ходу» — так квалифицировали в народе сложившуюся ситуацию.

Сама историческая оценка этих попыток модернизации не может быть однозначной. Они стимулировали идеал, связанный с ростом и развитием, без чего в мире уже нельзя было

существовать. Слишком большое отставание от Запада могло иметь губительные последствия. Но эти попытки усилили раскол, разрушительное несоответствие двух векторов конструктивной напряженности.

Негативное значение петровских реформ заключалось в том, что их объективным результатом не стало подтягивание основной массы населения до сколь-нибудь более высокого уровня культуры. Наоборот, они привели к усилению поляризованности расколотого общества. Внедрение элементов более высокой культуры происходило таким образом, что они стали фактором наращивания массового дискомфорта. Результатом стал подъем не общества в целом, но лишь некоторой сравнительно небольшой группы. Это в конечном итоге усилило раскол в обществе, придало ему завершенную форму. Парадокс заключался в том, что прогресс оказался фактором, стимулирующим регресс, традиционализм, локализм. Возникли новые формы социальной структуры, например, промышленные предприятия, но на крепостнической основе. Они лишь имитировали либеральные формы. Таким образом складывалась система псевдоструктур и псевдофункций. Их основа лежала не в собственной производительной деятельности, но прежде всего в том, что они могли существовать за счет производительной перекачки ресурсов государством.

Попытка использовать «Моисеев жезл» для укрепления интеграторов на основе новой конструктивной напряженности привела к росту в стране состояния дискомфорта, к эффекту социального бумеранга, к уходу творческой энергии масс из-под влияния медиатора. Попытка на основе крайнего авторитаризма решить медиационную задачу, соединить единство с разнообразием ценностей и обстоятельств, с устойчивым стремлением к росту и развитию не удалась. Разнообразие не укладывалось в рамки государственности и противостояло ей. Дезорганизация угрожающе нарастала.

В главном, т. е. в деле ликвидации раскола, в формировании срединной культуры в важнейших сферах, произошло попятное движение. Культурный разрыв между верхом и низом возрос. Об этом свидетельствовало, например, то обстоятельство, что, по некоторым данным, общий уровень грамотности в стране во времена Петра снизился по сравнению с серединой XVII века. Имела место всеобщая убыль населения, которую можно сравнить с аналогичным процессом в эпоху Великой смуты. По данным за 1730 год снизился удельный вес горожан³⁷. Крайне важным для понимания судьбы страны было то,

³⁷ Миронов Б. Н. Русский город в 1740-1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 28, 225.

что деревенская Россия «ничего на самом деле не приняла из реформы Петра I»³⁸. В царствование Петра произошла задержка в развитии русской литературы — важнейшей сферы развития высшей культуры в стране, пришли в упадок искусство, иконопись и т. д. Основной порок попытки модернизации России заключался в том, что ее движущей силой была прежде всего поверхностная импульсивная реакция малочисленной части правящего слоя на сложившуюся ситуацию, на военное и экономическое состояние страны, на ее отсталость. Эта реакция не опиралась на соответствующее развитие культуры, новые ценности в толще общества. Симптомы культурного застоя и деградации не беспокоили сторонников реформы. Реформаторы не понимали, что для достижения поставленных целей необходимо нечто большее, чем обучение техническим приемам, что необходим массовый коренной сдвиг в ценностях, новый подход к интеграции общества, необходим новый тип личности, новые цели. В противном случае поверхностное стремление к модернизации станет лишь фактором, подготовляющим мощную волну антимодернизации, контрреформы, приведет ко всеобщей дезорганизации и, возможно, к распаду государства.

Рациональный смысл утверждения о «Петре-Антихристе» заключался в том, что созданная государственность теряла связь с системой ценностей масс и превращалась в античеловеческую силу. Подрывались основы решения медиационной проблемы, народ отстранялся от власти, лишал ее поддержки. Фигура царя в этой ситуации приобретала трагический характер.

Социальные интеграторы оказались у порога способности сохранить большое общество. Если очередной крах большого общества не произошел, то это можно объяснить лишь сильнейшей массовой апатией, отсутствием стремления выработать реальную альтернативу существующей государственности. Это касалось не только широких масс, но и высшего дворянства. Попытка верховников в 1730 году ограничить самодержавие встретила сопротивление со стороны дворянства и поэтому провалилась. Дворяне отказались взять на себя частицу ответственности за высшую власть и тем самым обрекли себя на унижения в царствование Анны Иоанновны, а страну — на деградацию.

³⁸ Герцен А. И. Поли. собр. соч. и писем. Т. 6. С. 406.

КОНЕЦ ПРЯМОЙ ИНВЕРСИИ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Подъем творческих сил народа, приведший к возникновению большого общества, после ряда интенсивных колебаний завершился переходом к низшей точке упадка. Отрыв власти от почвы привел к отрыву первого лица — этого высшего организационного воплощения интеграции общества — от пронизанного локальными ценностями государства, что выявилось, в частности, в легкости последующих дворцовых переворотов.

Крайний авторитаризм завершил важный период в истории страны. Общество прошло путь между двумя крайними точками инверсии, завершило сложное колебательное движение, импульсом которого было осознание необходимости общего порядка, тяга к государственности, к объединению. Однако это стремление не опиралось в должных масштабах на рост способности создавать соответствующую большому обществу организацию, на соответствующее развитие срединной культуры. Отсюда само это движение возникло как компромисс между двумя несовместимыми типами социальных изменений, между стремлением к неизменности и стремлением к развитию. Исторические события дают сложную картину постоянного поиска нравственной и организационной основы государственности большого общества, решения медиационной задачи, соединения интеграции и творческой энергии масс.

Накопленный исторический опыт страны показал, что общество, пройдя четыре этапа, не вышло за рамки господства манихейского типа мышления и действий, во всяком случае в том, что касалось формирования большого общества, государственности, социальных интеграторов. Страну бросало из одной губительной крайности в другую, от господства воспроизводства на основе соборной Правды локального мира к господству воспроизводства на основе авторитарной, даже тоталитарной Правды первого лица. Недостаточный уровень рефлексии, конкретно-исторической способности соответствующей интерпретации своего культурного богатства привел к ситуации, когда поиск выхода приобрел форму периодических переходов от одной крайней интерпретации вечного идеала к противоположной. Развитие приобрело циклический характер, осложняемый, однако, тем, что постоянно накапливаемая интерпретация оказывает воздействие на циклы, прежде всего смягчая некоторые инверсии, превращая их в вялые, замедленные, мешая им доходить до логического конца.

Циклическое развитие, инверсии порождали волны дезорганизации, разрушали большое общество, государство, то переходя через порог, ведущий к катастрофе, то приближаясь к

нему. Одна крайность в огне бунта приводила к растаскиванию большого общества по локальным мирам, вторая — к подавлению творческой энергии, жизненных сил общества. Отсюда слабость интеграторов большого общества, государства, которые нуждаются в опоре на срединную культуру, на рост способности ее формировать в соответствии со сложностью проблем, способности опережать эту сложность. Только в этом случае общество сможет опираться на идеалы, которые будут не только экстраполяцией некоторых древних ценностей, но и результатом углубления в предметную суть современности. Отсюда *раскол, приводящий к бесконечному спору общества и медиатора, где последнее слово остается всегда за многомиллионным народом*. Именно он своей воспроизводственной активностью или пассивностью способен показать медиатору, что последний — всего лишь тень общества со всеми его достоинствами и слабостями. Отсюда, между прочим, следует, что *точка зрения, подчеркивающая особую мощь государства в России, является мифом*. Сила государства, которая проявлялась в насилии, в попытках поднять народ против «зла», внешнего или внутреннего, — эта сила рассеивается как дым, когда речь идет о решении позитивных творческих задач. Сами эти творческие задачи требуют субъекта, ориентированного на развитие и прогресс, тогда как реально он оказывается еще на уровне статичных ценностей локальных миров. Такая государственность после каждой своей напряженной попытки вывести общество на новые рубежи теряет силы, доходя до полного изнеможения, до полной или почти полной потери связи с народом, с массовой воспроизводственной деятельностью.

Страна прошла четыре этапа, которыми, по-видимому, был исчерпан некоторый круг возможных комбинаций для инверсионного движения, для решений медиационной задачи, для создания соответствующих социальных интеграторов. Серия попыток привела в конечном итоге после двух национальных катастроф к созданию государственности, способной пережить очередную инверсию. Собственно, в этом и заключается успех, который был достигнут, однако, неисчислимыми жертвами, ценой архаичной деспотической государственности, опирающейся на веру в царя-тотем, и осложнен попытками модернизации варварскими методами, что как раз именно эту веру подрывало. Тем самым была исчерпана прямая инверсия, идущая от соборного идеала к авторитарному полюсу, что и привело к зрелой форме раскола, к тому, что внутри общества была заложена мина замедленного действия. Однако уход жизни из стабилизирующих государственных форм не привел го-

сударство к гибели. Но общество не нашло себя, не создало стабильной системы. Оно не достигло принципиального согласия с собой, не нашло основы, которая позволила бы всем слоям населения творчески работать в своем локальном мире для общества, а обществу — для всех сообществ. Работа внутри локального мира и работа большого общества гармонично не воссоединились. Историческое движение приобрело завершённый мучительный, уродливый, мятущийся характер.